ИЗБРАННАЯ ПОЭЗИЯ

ЗИНАИДА ГИППИУС

ymca-press

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЗИНАИДА ГИППИУС

СТИХОТВОРЕНИЯ

Составитель Т.В. Пахмусс

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

Обложка работы А. Ракузина
(использована гравюра В. Фаворского)

ISBN 2-85065-051-X

З. Н. ГИППИУС

НЕОБХОДИМОЕ О СТИХАХ

Предисловие к первому *Собранию стихов (1899-1903)*

Стихи мои я в первый раз выпускаю отдельной книгой, и мне почти жаль, что я это делаю. Не потому, что их написано за пятнадцать лет слишком мало для книги, и не потому, что считаю мою книгу хуже всех, без счета издающихся, стихотворных сборников: нет, я думаю – она и хуже, и лучше многих; но мне жаль создавать нечто, совершенно бесцельное и никому ненужное. Собрание, книга стихов *в данное время* – есть самая бесцельная, ненужная вещь. Я не хочу этим сказать, что стихи не нужны. Напротив, я утверждаю, что стихи нужны, даже необходимы, естественны и вечны. Было время, когда всем казались нужными целые книги стихов, когда они читались сплошь, понимались и принимались. Время это – прошлое, не наше. Современному читателю не нужен, бесполезен сборник современных стихов. Это и не может быть иначе, и вина (если тут есть вина) лежит столько же на читателях, сколько на авторах. Ведь и те, и другие – одинаковые дети своего времени. Ему подчиняясь, современный поэт утончился и обособился, отделился, как человек (и, естественно, как стихотворец), от человека, рядом стоящего, ушел даже не в индивидуализм, а в тесную субъективность. Именно обособился, перенес центр тяжести в свою особенность, и поет о ней, потому что в ней видит свой путь, святое своей души. Это может казаться печальным, но тут нет ничего безнадежного или мелкого; и опечаленных

пусть утешает мысль, что это — современное, а все "современное" — временно. Неизбежная одинокая дорога быть может ведет нас, и в области поэзии, к новому, еще более полному, общению. Но возвращусь к тому, что есть.

Я считаю естественной и необходимейшей потребностью человеческой природы – молитву. Каждый человек непременно молится или стремится к молитве, — все равно, сознает он это или нет, все равно, в какую форму выливается у него молитва и к какому Богу обращена. Форма зависит от способностей и наклонностей каждого. Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка — это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва. Поэзия, как определил ее Баратынский, — "есть полное ощущение данной минуты". Быть может, это определение слишком обще для молитвы, – но как оно близко к ней!

И вот мы, современные стихописатели, покорные вечному закону человеческой природы, молимся — в стихах, как умеем, то неудачно, то удачно, но всегда берем наше "свое", наш центр, все наше данное "я" в данную минуту (таковы законы молитвы); — виноваты ли мы, что каждое "я" теперь сделалось особенным, одиноким, оторванным от другого "я", и потому непонятным ему и ненужным? Нам, каждому, страстно нужна, понятна и дорога наша молитва, нужно наше стихотворение, — отражение мгновенной полноты нашего сердца. Но другому, у которого заветное "свое" — другое, непонятна и чужда моя молитва. Сознание одиночества еще более отрывает людей друг от друга, обособляет, заставляет замыкаться душу. Мы стыдимся своих молитв и, зная, что все равно не сольемся в них ни с кем, — говорим, слагаем их уже вполголоса, про себя, намеками, ясными лишь для себя.

Некоторые из нас, стыдясь и печалясь, совсем оставляют стихотворную форму, как слишком явно-молитвенную, и облекают иной, сложной и туманной, плотью свое божественное устремление.

Если есть где-нибудь один, кто поймет нашу молитву, — он поймет ее и сквозь печаль тумана. Но есть ли он? Есть ли чудо?

Я считаю мои стихи (независимо от того – бездарны они или талантливы, – не мне судить, да и это к делу не относится) – очень современными в данном значении слова, то есть очень обособленными, своеструнными, в своеструнности однообразными, а потому для других ненужными. Соединение же их в одной книге – должно казаться просто утомительным. Книга стихотворений – даже и не вполне "обособленного" автора – чаще всего утомительна. Ведь все-таки каждому стихотворению соответствует полное ощущение автором д а н н о й минуты; оно вылилось – стихотворение кончилось; следующее – следующая минута, – уже иная; они разделены временем, жизнью; а читатель перебегает тут же с одной страницы на другую, и смены, скользя, только утомляют глаза и слух.

Но, повторяю, было время, когда стихи принимались и понимались всеми, не утомляли, не раздражали, были нужны всем. И не оттого, что прежние поэты писали прекрасные стихи, а теперешние пишут плохие; что толкуют о вырождении стиха, об исчезновении поэтических талантов! Исчезли не таланты, не стихи, – исчезла возможность общения именно в молитве, общность молитвенного порыва. Я утверждаю, что стремление к ритму, к музыке речи, к воплощению внутреннего трепета в правильные переливы слов – всегда связано с устремлением молитвенным, религиозным, по-ту-сторонним, с самым таинственным, глубоким ядром человеческой души, и что все стихи всех действительно-поэтов – молитвы. Молитвенны стихи и прежних наших стихотворцев, – тех, в свое время принятых, понятных. Был и будет Пушкин; он принят навсегда, он был и будет нужен; его песни, он сам – как солнце; он вечен, всепроникающ, но, – как солнце, – неподвижен. То, что *есть* молитвы Пушкина, – не утоляет нашего порыва, не уничтожает нашего искания: он – не цель, не конечный предел, а лишь некоторое условие существования этого порыва, как солнце не жизнь, а только одно из условий жизни. Пушкин – вне времени, зато он и вне нашего пути, исторического и быстрого.

Но вот Некрасов, поэт во времени, любимый и всем в свое время нужный. И его "гражданские" песни – были молитвами.

Но молитвы эти оказались у него общими с его современниками. Дрожали общие струны, пелись хвалы общему Богу. Каковы они были – все равно. Они замолкли и уже не воскреснут как молитвословия. Но они звучали широко и были нужны, они были – общими. Теперь – у каждого из нас отдельный, сознанный или несознанный, – но свой Бог, а потому так грустны, беспомощны и бездейственны наши одинокие, лишь нам и дорогие, молитвы.

Есть и в прошлом один, нам подобный, "ненужный всем" поэт: Тютчев. Любят ли его "все", понятны ли "всем" его странные, лунные гимны, которых он сам стыдился перед другими, записывал на клочках, о которых избегал говорить? Каким бесцельным казался и кажется он! Если мы, редкие, немногие из теперешних, почуяли близость его и его Бога, сливаемся сердцем с его славословиями, – то ведь нас так мало! И даже для нас он, Тютчев, все-таки – из прошлого, и его Бог не всегда, не всей полностью – наш Бог...

Я намеренно не вхожу здесь в оценку величины и малости того или другого поэта. Вопрос о силе таланта не имеет значения для тех мыслей, которые мне хотелось высказать. Я думаю, явись теперь, в наше трудное, острое время, стихотворец, по существу подобный нам, но гениальный, – и он очутился бы один на своей узкой вершине; только зубец его скалы был бы выше, – ближе к небу, – и еще менее внятным казалось бы его молитвенное пенье. Пока мы не найдем общего Бога, или хоть не поймем, что стремимся все к Нему, Единственному, – до тех пор наши молитвы, – наши стихи, – живые для каждого из нас, – будут непонятны и не нужны ни для кого.

ОБ АВТОРЕ

Биобиблиографическая справка

Зинаида Николаевна Гиппиус родилась 8 ноября 1869 г. в Белеве, Тульской губернии, в семье обер-прокурора Сената Николая Романовича Гиппиуса, позже председателя суда в г. Нежине Черниговской губернии. Семья ведет свое начало от Альфонса фон Гингста, переменившего фамилию на фон Гиппиус при переселении в Россию из Мекленбурга в 1534 г. Герб фон Гиппиус датирован 1515 г. Зинаида Гиппиус получила в основном домашнее образование в Нежине; к ней на дом приходили профессора из Гоголевского лицея. После смерти отца, в 1881 г., семья переехала в Москву, затем в Боржом, а потом поселилась окончательно в Тифлисе. Первые стихи Гиппиус, написанные еще в духе Надсона, были напечатаны в 1888 г. в журнале *Северный вестник*, возле которого группировались петербургские символисты "старшего" поколения. Тут же она печатала и свои ранние рассказы.

Гиппиус познакомилась с Дмитрием Сергеевичем Мережковским (к этому времени уже издавшим свою первую книгу стихов) в 1888 г. в Боржоме, где он остановился по дороге домой из заграничного путешествия. 8 января 1889 г. они обвенчались в Тифлисе и уехали в Петербург, где вскоре Гиппиус стала во главе движения символистов. Первое стихотворение, написанное в новом, "декадентском", как тогда

называли, стиле (с новыми ритмическими формами и свольным размером), было напечатано в 1893г. под названием "Песня". К этому времени Гиппиус издала три тома рассказов: *Новые люди: рассказы, первая книга* (1896), *Зеркала: вторая книга рассказов* (1898), *Третья книга рассказов* (1902); роман *Победители* (1898) и пьесу *Святая кровь* (1901), в которой "Песни русалок" иллюстрируют искусное употребление поэтом нового, свободного, нерифмованного стиха.

Через С.П. Дягилева Мережковские познакомились с его двоюродным братом Дмитрием Владимировичем Философовым, который вскоре стал верным соратником в религиозной деятельности Мережковских и интимным другом Гиппиус вплоть до его смерти в 1940г. В это время Гиппиус печаталась уже во всех литературных журналах Петербурга, часто выступая под псевдонимом Антон Крайний в своих литературных статьях.

Мережковские и Философов часто ездили за границу, где они искали встреч с людьми, заинтересованными в новом религиозном сознании, в движении к Иисусу из Назарета, вне обычных конфессиональных рамок. В Петербурге, по инициативе Мережковских, были созданы Религиозно-философские собрания (1901-1903), на которых встречались представители Церкви и деятели культуры. Тогда же Мережковские издавали журнал *Новый Путь* (1903-1904), открытый символистам и религиозным мыслителям.

Первая книга стихов Гиппиус под названием *Собрание стихов: 1889-1903* вышла в 1904г. За нею последовали следующие публикации: *Алый меч: рассказы, четвертая книга* (1908), *Черное по белому: пятая книга рассказов* (1908), *Литературный дневник: 1899-1907* (1908), пьеса *Маков цвет* (1908), написанная вместе с Мережковским и Философовым, и вторая книга стихов Гиппиус *Собрание стихов: 1903-1909* (1910).

Годы 1906-1914 Мережковские и Философов провели преимущественно за границей (Италия, Франция, Швейцария и Германия), с короткими возвращениями в Петербург, где они принимали участие в деятельности Религиозно-философского собрания, созданного на этот раз по инициативе Н.А. Бердяева.

Лунные муравьи: шестая книга рассказов Гиппиус вышла в Москве в 1912 г. Два романа: *Чортова кукла: жизнеописание в 33-х главах* (1911) и *Роман-Царевич* (1913) также были изданы в Москве, но третий сборник стихов *Последние стихи: 1914-1918* появился в Петербурге в 1918 г.

В период революции 1905 г. Мережковские интересовались русскими революционерами, атеистами и анархистами, т.к. в революции они видели возможность достижения и претворения в реальность их идеала: религиозной общественности, всеобщей соборности, "всеобщего союза человечества".[1] Революционные события 1905 г., однако, разочаровали Гиппиус и Мережковского, потому что в них целиком отсутствовала идея соборности и теократии. К Первой мировой войне Гиппиус относилась резко отрицательно, позже приняв ее лишь как очистительное пламя, способное привести к новому общественному строю и новому религиозному сознанию.

Пьеса Гиппиус *Зеленое кольцо* (1916), изображающая психологию русской молодежи времен войны и оптимистическое утверждение будущей свободы, была поставлена знаменитым режиссером Всеволодом Мейерхольдом в Александринском театре Петербурга с участием актрис М. Савиной и Е. Рощиной-Инсаровой. Пьеса имела большой успех.

Февральскую революцию Гиппиус встретила с энтузиазмом, как предтечу религиозной общественности и свободы; Октябрьскую — с ужасом и отвращением; чувства, которые нашли себе выражение в ее гневных политических стихах и в прозе — статьях и дневниках — о "Царстве Антихриста" в советской России. В Рождественский сочельник, в морозную ночь 24 декабря 1919 г., Мережковские и Философов бежали на Запад, сначала в Польшу, а затем в Париж. Четвертый сборник стихов Гиппиус под псевдонимом Антон Кирша, названный *Поход-*

---

1) См. больше о сложных религиозных, политических и общественных взглядах Мережковских в книге Temira Pachmuss, *Zinaida Hippius: An Intellectual Profile* (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1971), pp. 166-178.

ными песнями и предназначенный для бывших воинов из русской армии Тухачевского, разбитой под Варшавой, вышел в Польше в 1920г. Седьмая книга рассказов, *Небесные слова и другие рассказы*, была напечатана в Париже (1921); пятый сборник стихов, *Стихи: Дневник 1911-1921*, появился в Берлине в 1922г. В 1925г. Гиппиус опубликовала в Праге двухтомные воспоминания о ее знаменитых современниках (А. Блок, А. Белый, Ф. Сологуб, В. Розанов, Л. Толстой, А. Чехов и др.), которых она лично знала, воспоминания озаглавлены *Живые лица. Синяя книга: петербургский дневник 1914-1918*. Это драматическое повествование о страшных годах в жизни города вышло отдельным изданием в Белграде в 1929г., но другие части ее *Петербургских дневников*, под разными названиями, печатались в *Русской Мысли* и других русских журналах в эмиграции. Часть стихов, написанных в изгнании, вошла в шестую книгу стихов Гиппиус, *Сияния* (Париж, 1939).[2]

В Париже Мережковские организовали в 1926г. литературно-философское общество "Зеленая лампа", выросшее из "воскресений" Мережковских, на которых обсуждались не только литературные, но и религиозные и политические вопросы. В 1928г. на Первом конгрессе русских писателей в эмиграции в Белграде, организованном югославским правительством, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский были награждены королем Александром орденом Святого Саввы первой степени за их вклад в сокровищницу русской литературы.

После смерти Мережковского (9 декабря 1941г.) Гиппиус начала писать о нем книгу воспоминаний, *Дмитрий Мережковский*, к сожалению, оставшуюся незаконченной. Она была опубликована в 1950г. в книгоиздательстве *YMCA* (Париж). Относясь отрицательно к Гитлеру и называя его "берлинским бесноватым" и "идиотом с мышью под носом", Гиппиус, тем не менее, считала его менее опасным, чем "дьявол номер 1, Сталин".

---

2) См. З.Н. Гиппиус, *Стихотворения и поэмы*; Том 1: 1899-1918; Том 2: 1918-1945. First comprehensive edition compiled, annotated and with an introduction by Temira Pachmuss (München: W. Fink Verlag, 1972).

По временам она даже уповала, что немецкие войска помогут освобождению ее дорогой России от "царства Антихриста". Надежды ее не оправдались, и в глубоком одиночестве, разочарованная и больная, она умерла 9 сентября 1945 г. в Париже. Числа "8" и "9" до конца жизни преследовали ее; в них она видела силу Провидения.

Зинаида Гиппиус похоронена в одной могиле с Мережковским на кладбище Сент-Женевьев де Буа, около Парижа.

Темира Пахмусс
ноябрь 1983 г.

КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ

Иннокентий АННЕНСКИЙ

... З.Н. Гиппиус — поэтесса первого призыва. В ее творчестве вся 15-летняя история нашего лирического модернизма.

/.../

Каноническим для этого имени останется все же *Собрание стихов 1904г.* Я люблю эту книгу за ее певучую отвлеченность. Никогда мужчина не посмел бы одеть абстракции таким очарованием:

Сердце исполнено счастьем желания...

Как в этих строках все отвлеченно! В слове *трепещет* нет следа *трепета*, а *умирает* значит здесь *перестает быть*. В пьесе не окрашены ни звуки, ни созвучия; это ноты и аккорды, но на немом пианино, и даже в параллелизмах чувствуется что-то застылое, почти механическое:

Полностью жизни принять мы не смеем,
Тяжести счастья поднять не умеем...

Но откуда эта жизненность целого?

Или и точно поэтесса умеет молиться ритмами?

Нет, для "отвлеченности" Г-с есть еще один предикат,

Мне мило отвлеченное....

”Незнание здешних слов” — вот этот предикат. Отвлеченность Г. вовсе не схематична по существу, точнее — в ее схемах всегда сквозит или тревога, или несказанность, или мучительное качание маятника в сердце.

Но все признания в книге Г., как бы ни казались они иногда противоречащие друг другу, воспринимаются мною как лирически искренние; в них есть — для меня по крайней мере — какая-то *безусловная* минутность, какая-то настойчивая, почти жгучая потребность ритмически передать полное ощущение минуты, и в этом — их сила и прелесть.

Зачем Г. крест, зачем ей предметы, зачем ей хотя бы тени, даже контуры? И разве, в сущности, и все мы не более всего — мы, когда наша мысль и даже чувство вращаются в формах утверждений, отрицаний или антиномий?

Грех – маломыслие и малодеяние...

Любимая личина Г. есть равнодушие, безразличие, усталость. /.../

Символы Г. — пауки, пиявки, стоящие часы, лодки Харона, каменное небо, ”как слово ... тяжелые воды”, мысли — серые птицы. Что за дело Г. до того, что мир так разнозвучен! Так грубо разносветен!

Для Г. мучителен жарко-алый шелк под неумелою иглою швеи. Он кажется ей и огнем, и кровью, и любовью. Но снег действует на нее успокоительно, когда он падает; она любит также апельсинные цветы, но Сборник оканчивается пьесой ”Белые одежды” с эпиграфом из Апокалипсиса.

Но оттого ли только так любит поэтесса белый цвет, что для нашей загроможденности, для нашей тяжелой вещной заполненности этот цвет есть не цвет солнечного луча, а цвет пустого места, цвет тех *нет* и *ничего*, которые так мучительно символизируют в З.Г. ее желание уничтожиться и боязнь умереть.

Мне было бы тяжело видеть, что среди стихов З.Г. путаются какие-нибудь картинки, виньетки, заставки.

С большим тактом поэтесса не только уложила свои пьесы в книгу, состоящую из одних букв, но даже не придала ей ни

одного из тех названий, которыми лирики так часто думают украсить свои стихотворные сборники. "Собрание стихов" — вот и все. Для З. Г., насколько я понял ее "молитвы", не существует внешней красоты впечатлений как чего-то самоценного, все эти навязчивые мелькания, сияния и застилания — и падающий снег, и лампадные лучи, и "колючий угрюмый сад" — ей, по-моему, только мешают молиться. Но нет для нее, увы! — и оттого-то ей, лирической, и в жизни так страшно — нет ничего и над нею, нет ничего, о чем она бы молилась, и даже чему бы она молилась, — словом того, что она так мучительно знает. — Должно быть (debet esse).

Для З.Г. в лирике есть только безмерное Я, не ее Я, конечно, не *Ego* вовсе. Она — и мир, она — и Бог; в нем и только в нем весь ужас фатального дуализма; в нем — и все оправдание и все проклятие нашей осужденной мысли; в нем — и вся красота лиризма З. Гиппиус.

Я в себе от себя...

Увы! Боязнь не есть еще вера, она даже меньше, чем желание верить. Да и то, что звучит ежедневной молитвенностью, не есть еще ни исчерпывающее, ни даже характерное выражение той поэтической молитвы, где с такой чуткостью высоко-талантливая поэтесса отразила нашу, нами же тщательно опустошенную и все еще столь жадно любопытную душу.

Среди всех типов нашего лиризма я не знаю более смелого, даже дерзкого, чем у З. Гиппиус. Но ее мысли-чувства до того серьезны, лирические отражения ее так безусловно-верны, и так чужда ей эта разъедающая и тлетворная ирония нашей старой души, что мужская личина этой замечательной лирики (З.Н. Гиппиус пишет про себя в стихах не иначе как в мужском роде) едва ли когда-нибудь обманула хоть одного внимательного читателя.

("О современном лиризме",
Аполлон, №3, 1909, стр.8-12).

Валерий БРЮСОВ

... Как автор утонченных и глубоких стихотворений, г-жа Гиппиус принадлежит к числу наших замечательнейших художников. Ее стихи как бы формулируют в сжатых, сильных словах, в ясных, четких образах все переживания современной души. У г-жи Гиппиус, как поэта, есть свой язык, свои рифмы, свои неподражаемые, единственные приемы творчества... Каждый стих г-жи Гиппиус, даже в менее удачных ее стихотворениях, дышит, светится изнутри.

("З.Н. Гиппиус. Алый меч: рассказы (4-ая книга)", *Золотое руно*, №11-12, 1906, стр.154).

... Каждое стихотворение Гиппиус давало что-то новое, чего в русской поэзии еще не было, подступало к теме с неожиданной стороны, и каждое заключало в себе определенную, продуманную мысль. Вместе с тем в этих стихах уже ясно сказалось исключительное умение Гиппиус замыкать свою мысль в краткие, выразительные, легко запоминающиеся формулы. И вместе с тем облечены в форму безукоризненную... В позднейших стихах Гиппиус становится настоящим виртуозом слова до такой степени, что в иных стихосложениях решительно каждая буква имеет свое звуковое значение, дополняет общую мелодию ритма.

("З.Н. Гиппиус", *Русская литература XX века: 1890-1910*, под ред. проф. С.А. Венгерова, 1914, I, стр.178-188).

... Стихи З. Гиппиус всегда сделаны просто, но изящно и с большим мастерством. Ей доступны все современные пути поэзии, но она сознательно не хочет полной яркости и полной звучности, избегает слишком резких аффектов, слишком кричащих слов.

(*Далекие и близкие*, 1912, стр.149)

Андрей БЕЛЫЙ

... В ее (Гиппиус) чтении звучала интимность; читала же — тихо, чуть-чуть нараспев, закрывая ресницы и не подавая, как Брюсов, метафор нам, наоборот, — уводя нас вглубь сердца, как бы заставляя следовать в тихую келью свою, где — задумчиво, строго... С этой поры я внимательно вчитываюсь в ее строчки; и после Блока сильно на них реагирую: символистами умалена роль поэзии Гиппиус для начала века; разумею не идеологию, а стихотворную технику; ведь многие размеры Блока эпохи "Нечаянной радости" ведут происхождение от ранних стихов Гиппиус.

(*Начало века*, ГИХЛ, 1933, стр.183)

... З.Н. Гиппиус — самая талантливая из писательниц-женщин. Кроме того, она — умнейшая среди современных беллетристов. Ее тонкий капризный ум как бы пронизывает фон собственного творчества.

(*Арабески*, 1911, стр.445)

Кн. Д. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

... Чем дальше мы отходим от символизма, тем более становится ясно, что З. Гиппиус была едва ли не самым крупным поэтом "первого выпуска" символической школы (выпуска 90-х годов). Изо всех старших символистов З. Гиппиус была самая русская, с самыми глубокими корнями в русской традиции. Товарищами ее в этом были Александр Добролюбов, Иван Коневской, Владимир Гиппиус; но ни один из них не осуществился вполне как поэт; — Коневской погиб молодым; Добролюбов отрекся от поэзии во имя мистики; Гиппиус остался хаотическим неудачником. Одна Зинаида Николаевна добилась подлинных, прочных, совершенных достижений на

путях метафизической поэзии. Ее метафизическая традиция восходит с одной стороны к Баратынскому и Тютчеву, с другой к Достоевскому. С Тютчевым ее связь особенно ясна, хотя от нее был совершенно скрыт основной мир Тютчевской поэзии, лежащий за "зримой оболочкой" видимой природы, и даже сама видимая природа, — нет поэта более отрешенного от всего зримого, чем З. Гиппиус. Но тон ее несомненно близок Тютчевскому. Особенно сближает ее с ним то, что одна изо всех русских поэтов после него она создала настоящую поэзию политической инвективы. Даже написанные в состоянии крайнего озлобления стихи 1917-18 годов — подлинно-поэтическая брань, достойная сравнения со стихами Тютчева на приезд австрийского Эрцгерцога или на князя Суворова.

/.../

Но главное ядро ее поэзии не это великолепное красноречие, а цикл стихов, единственных в русской литературе, в которых глубочайшие абстрактные переживания воплощены в образы изумительно-жуткой конкретности. Лучшие из них на свидригайловскую тему, о вечности — русской бане с пауками по углам, на тему о метафизической скуке, о метафизической пошлости, о безнадежном отсутствии огня и любви, о метафизической "липкости" своей же души. Воплощающие мучительный внутренний опыт (опыт, родственный Гоголевскому, в такой же мере, как и подпольно-Свидригайловско-бобковому опыту Достоевского), эти стихи исключительно-оригинальны, и я не знаю ни на каком языке ничего на них похожего.

("Годовщины", *Версты*, №3, Париж 1928)

Z. Hippius

СТИХОТВОРЕНИЯ

Мешается, сливается
Действительность и сон,
Все ниже опускается
Зловещий небосклон —

И я иду и падаю,
Покорствуя судьбе,
С неведомой отрадою
И мыслью — о тебе.

Люблю недостижимое,
Чего, быть может, нет...
Дитя мое любимое,
Единственный мой свет!

Твое дыханье нежное
Я чувствую во сне,
И покрывало снежное
Легко и сладко мне.

Я знаю, близко вечное,
Я слышу, стынет кровь...
Молчанье бесконечное...
И сумрак... И любовь.

1889

ПЕСНЯ

Окно мое высоко над землею,
Высоко над землею.
Я вижу только небо с вечернею зарею, —
С вечернею зарею.

И небо кажется пустым и бледным,
Таким пустым и бледным...
Оно не сжалится над сердцем бедным,
Над сердцем бедным.

Увы, в печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь к тому, чего я не знаю,
Не знаю...

И это желание не знаю откуда,
Пришло откуда,
Но сердце хочет и просит чуда,
Чуда!

О, пусть будет то, чего не бывает,
Никогда не бывает:
Мне бледное небо чудес обещает,
Оно обещает,

Но плачу без слез о неверном обете...
О неверном обете...
Мне нужно то, чего нет на свете,
Чего нет на свете.

1893

СОНЕТ

Не страшно мне прикосновенье стали
И острота и холод лезвия.
Но слишком тупо кольца жизни сжали
И, медленные, душат как змея.
Но пусть развеются мои печали,
Им не открою больше сердца я...
Они далекими отныне стали,
Как ты, любовь ненужная моя!

Пусть душит жизнь, но мне уже не душно
Достигнута последняя ступень.
И, если смерть придет, за ней послушно
Пойду в ее безгорестную тень: —
Так осенью, светло и равнодушно,
На бледном небе умирает день.

1894

ЦВЕТЫ НОЧИ

О, ночному часу не верьте!
Он исполнен злой красоты.
В этот час люди близки к смерти,
Только странно живы цветы.

Темны, теплы тихие стены,
И давно камин без огня...
И я жду от цветов измены, —
Ненавидят цветы меня.

Среди них мне жарко, тревожно,
Аромат их душен и смел, —
Но уйти от них невозможно,
Но нельзя избежать их стрел.

Свет вечерний лучи бросает
Сквозь кровавый шелк на листы...
Тело нежное оживает,
Пробудились злые цветы.

С ядовитого арума мерно
Капли падают на ковер...
Все таинственно, все неверно...
И мне тихий чудится спор.

Шелестят, шевелятся, дышат,
Как враги, за мною следят.
Все, что думаю, — знают, слышат,
И меня отравить хотят.

О, часу ночному не верьте!
Берегитесь злой красоты.
В этот час мы все ближе к смерти,
Только живы одни цветы.

1894

ПОСВЯЩЕНИЕ

Небеса унылы и низки,
Но я знаю — дух мой высок
Мы с тобою так странно близки,
И каждый из нас одинок.

Беспощадна моя дорога,
Она меня к смерти ведет.
Но люблю я себя, как Бога, —
Любовь мою душу спасет.

Если я на пути устану,
Начну малодушно роптать,
Если я на себя восстану
И счастья осмелюсь желать, —

Не покинь меня без возврата
В туманные, трудные дни.
Умоляю, слабого брата
Утешь, пожалей, обмани.

Мы с тобою единственно близки,
Мы оба идем на восток.
Небеса злорадны и низки,
Но я верю — дух наш высок.

1894

БЕССИЛИЕ

Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью — над небесами, —
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог — но не могу молиться,
Хочу любви — и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю,
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю —
И только для нее не знаю слов.

1894

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я все уединенное,
Неявное люблю.

Я — раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов...

1896

ЛЮБОВЬ — ОДНА

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь — одна.

Мы негодуем, иль играем,
Иль лжем — но в сердце тишина.
Мы никогда не изменяем:
Душа одна — любовь одна.

Однообразно и пустынно
Однообразием сильна,
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь в неизменном — бесконечность,
Лишь в постоянном глубина.
И дальше путь, и ближе вечность,
И все ясней: любовь одна.

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа — верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.

1896

СНЕГ

Опять он падает, чудесно молчаливый,
Легко колеблется и опускается...
Как сердцу сладостен полет его счастливый!
Несуществующий, он вновь рождается...

Все тот же, вновь пришел, неведомо откуда,
В нем холода соблазны, в нем забвенье...
Я жду его всегда, как жду от Бога чуда,
И странное с ним знаю единенье.

Пускай уйдет опять — но не страшна утрата.
Мне радостен его отход таинственный.
Я вечно буду ждать безмолвного возврата,
Тебя, о ласковый, тебя, единственный.

Он тихо падает, и медленный и властный...
Безмерно счастлив я его победою...
Из всех чудес земли тебя, о снег прекрасный,
Тебя люблю... За что люблю — не ведаю...

1897

АПЕЛЬСИННЫЕ ЦВЕТЫ

Н. В–t

О, берегитесь, убегайте
От жизни легкой пустоты.
И прах земной не принимайте
За апельсинные цветы.

Под серым небом Таормины
Среди глубин некрасоты,
На миг припомнились единый
Мне апельсинные цветы.

Поверьте, встречи нет случайной, —
Как мало их средь суеты!
И наша встреча дышит тайной,
Как апельсинные цветы.

Вы счастья ищете напрасно,
О, вы боитесь высоты!
А счастье может быть прекрасно,
Как апельсинные цветы.

Любите смелость нежеланья,
Любите радости молчанья,
Неисполнимые мечты,
Любите тайну нашей встречи,
И все несказанные речи,
И апельсинные цветы.

1897

ТАМ

Я в лодке Харона, с гребцом безучастным.
Как олово, густы тяжелые воды.
Туманная сырость над Стиксом безгласным.
Из темного камня небесные своды.
Вот Лета. Не слышу я лепета Леты.
Беззвучны удары раскидистых весел.
На камень небесный багровые светы
Фонарь наш неяркий и трепетный бросил.
Вода непрозрачна и скована ленью...
Разбужены светом, испуганы тенью,
Преследуют лодку в бесшумной тревоге
Тупая сова, две летучие мыши,
Упырь тонкокрылый, седой и безногий...
Но лодка скользит не быстрей и не тише.
Упырь меня тронул крылом своим влажным...
Бездумно слежу я за стаей послушной.
И все мне здесь кажется странно-неважным,
И сердце, как там, на земле, — равнодушно.
Я помню, конца мы искали порою,
И ждали, и верили смертной надежде...
Но смерть оказалась такой же пустою,
И так же мне скучно, как было и прежде.
Ни боли, ни счастья, ни страха, ни мира,
Нет даже забвения в ропоте Леты...
Над Стиксом безгласным туманно и сыро,
И алые бродят по камням отсветы.

1900

ПРОГУЛКА ВДВОЕМ

Дорога все выше да выше,
Все гуще зеленые сени,
Внизу — чуть виднеются крыши,
В долине — лиловые тени,
Дорога все выше, да выше...
  Мы с нею давно уж в пути,
  И знаю — нам надо идти.

Мы слабы и очень устали,
Но вверх все идем мы послушно.
Под кленами мы отдыхали,
Но было под кленами душно...
Мы слабы и очень устали.
  Я ведал, что трудны пути,
  Но верил, что надо идти.

Она — все слабее и тише...
Ее поддержать я пытался,
Но путь становился все выше,
Все круче наверх подымался,
И шла она тише, да тише...
  И стала она на пути.
  Не знала, что надо идти.

И было на сердце тревожно...
Я больше помочь не умею.
Остаться в пути невозможно,
Спускаться назад я не смею,
И было на сердце тревожно.
    Она испугалась пути,
    Она не посмела дойти.

И вот я бреду одинокий,
А полдень тяжелый и жаркий...
Тропой каменистой, широкой,
Иду я в бестенности яркой,
Иду все наверх, одинокий...
    Я бросил ее на пути.
    Я знаю: я должен идти.

1900

ЛЮБОВЬ

В моей душе нет места для страданья.
	Моя душа — любовь.
Она разрушила свои страданья,
	Чтоб воскресить их вновь.

В начале было слово. Ждите Слова.
	Откроется оно.
Что совершалось — да свершится снова,
	И вы, и Он — одно.

Последний свет равно на всех прольется,
	По знаку одному.
Идите все, кто плачет и смеется,
	Идите все — к Нему.

К Нему придем в земном освобожденьи
	И будут чудеса.
И будет все в одном соединеньи —
	Земля и небеса.

1900

СОБЛАЗН

П.П. Перцову

Великие мне были искушенья.
Я головы пред ними не склонил.
Но есть соблазн... соблазн уединенья...
Его доныне я не победил.

Зовет меня лампада в тесной келье,
Многообразие последней тишины,
Блаженного молчания веселье —
И нежное вниманье сатаны.

Он служит: то светильник зажигает,
То рясу мне поправит на груди,
То спавшие мне четки подымает
И шепчет: "с Нами будь, не уходи!

Ужель ты одиночества не любишь?
Уединение — великий храм.
С людьми... их не спасешь, себя погубишь,
А здесь, один, ты равен будешь Нам.

Ты будешь и не слышать, и не видеть,
С тобою — только Мы, да тишина.
Ведь тот, кто любит, должен ненавидеть,
А ненависть от Нас запрещена.

Давно тебе моя любезна нежность...
Мы вместе, вместе... и всегда одни;
Как сладостна спасенья безмятежность!
Как радостны лампадные огни!”
. . . .

О, мука! О, любовь! О, искушенья!
Я головы пред вами не склонил.
Но есть соблазн, — соблазн уединенья,
Его никто еще не победил.

1900

ПОСЛЕДНЕЕ

Порой всему, как дети, люди рады,
И в легкости своей живут веселой.
О, пусть они смеются! Нет отрады
Смотреть во тьму души моей тяжелой.

Я не нарушу радости мгновенной,
Я не открою им дверей сознанья,
И ныне, в гордости моей смиренной,
Даю обет великого молчанья.

В безмолвьи прохожу я мимо, мимо,
Закрыв лицо, — в неузнанные дали,
Куда ведут меня неумолимо
Жестокие и смелые печали.

1900

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Две нити вместе свиты,
Концы обнажены.
То "да" и "нет", — не слиты,
Не слиты — сплетены.
Их темное сплетенье
И тесно, и мертво.
Но ждет их воскресенье,
И ждут они его.
Концов концы коснутся —
Другие "да" и "нет",
И "да" и "нет" проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть их будет — Свет.

1901

О ДРУГОМ

Господь. Отец.
Мое начало. Мой конец.
Тебя, в Ком Сын, Тебя, Кто в Сыне,
Во имя Сына прошу я ныне
И зажигаю пред Тобой
Мою свечу.
Господь. Отец. Спаси, укрой —
Кого хочу.

Тобою дух мой воскресает.
Я не о всех прошу, о Боже,
Но лишь о том,
Кто предо мною погибает,
Чье мне спасение дороже,
О нем, — одном.

Прими, Господь, мое хотенье!
О, жги меня, как я — свечу,
Но ниспошли освобожденье,
Твою любовь, Твое спасенье —
Кому хочу.

1901

ПРЕДЕЛ

Д.В. Философову

Сердце исполнено счастьем желанья,
Счастьем возможности и ожиданья, —
Но и трепещет оно и боится,
Что ожидание — может свершиться...
Полностью жизни принять мы не смеем,
Тяжести счастья поднять не умеем,
Звуков хотим, — но созвучий боимся,
Праздным желаньем пределов томимся,
    Вечно их любим, вечно страдая, —
    И умираем, не достигая...

1901

ДВА СОНЕТА

Л.С. Баксту

I. СПАСЕНИЕ

Мы судим, говорим порою так прекрасно,
И мнится — силы нам великие даны.
Мы проповедуем, собой упоены,
И всех зовем к себе решительно и властно.
Увы нам: мы идем дорогою опасной.
Пред скорбию чужой молчать обречены, —
Мы так беспомощны, так жалки и смешны,
Когда помочь другим пытаемся напрасно.

Утешит в горести, поможет только тот,
Кто радостен и прост, и верит неизменно,
Что жизнь — веселие, что все — благословенно;
Кто любит без тоски и как дитя живет.
Пред силой истинной склоняюсь я смиренно;
Не мы спасаем мир: любовь его спасет.

II. НИТЬ

Через тропинку в лес, в уютности приветной,
Весельем солнечным и тенью облита,
Нить паутинная, упруга и чиста,
Повисла в небесах; и дрожью незаметной
Колеблет ветер нить, порвать пытаясь тщетно;
Она крепка, тонка, прозрачна и проста.
Разрезана небес живая пустота
Сверкающей чертой — струною многоцветной.

Одно неясное привыкли мы ценить.
В запутанных узлах, с какой-то страстью ложной,
Мы ищем тонкости, не веря, что возможно
Величье с простотой в душе соединить.
Но жалко, мертвенно и грубо все, что сложно;
А тонкая душа — проста как эта нить.

1901

ШВЕЯ

Уж третий день ни с кем не говорю…
А мысли — жадные и злые.
Болит спина; куда ни посмотрю —
Повсюду пятна голубые.

Церковный колокол гудел; умолк;
Я все наедине с собою.
Скрипит и гнется жарко-алый шелк
Под неумелою иглою.

На всех явлениях лежит печать.
Одно с другим как будто слито.
Приняв одно — стараюсь угадать
За ним другое, — то, что скрыто.

И этот шелк мне кажется — Огнем.
И вот уж не огнем — а Кровью.
А кровь — лишь знак того, что мы зовем
На бедном языке — Любовью.

Любовь — лишь звук… Но в этот поздний час
Того, что дальше — не открою.
Нет, не огонь, не кровь… а лишь атлас
Скрипит под робкою иглою.

1901

ТЕТРАДЬ ЛЮБВИ

(Надпись на конверте)

Сегодня заря встает из-за туч.
Пологом туч от меня она спрятана.
Не свет и не мгла... И темен сургуч,
Которым "Любовь" моя запечатана.

И хочется мне печати сломать...
Но воля моя смирением связана.
Пусть вечно закрытой лежит тетрадь,
Пусть будет Любовь моя — недосказана.

1901

ДО ДНА

Тебя приветствую, мое поражение,
тебя и победу я люблю равно;
на дне моей гордости лежит смирение,
и радость, и боль — всегда одно.

Над водами, стихнувшими в безмятежности
вечера ясного, — все бродит туман;
в последней жестокости — есть бездонность
нежности
и в Божией правде — Божий обман.

Люблю я отчаяние мое безмерное,
нам радость в последней капле дана.
И только одно здесь я знаю верное:
надо всякую чашу пить — до дна.

1901

БЕЛАЯ ОДЕЖДА

Победившему я дам белые одежды. (АПОКАЛИПСИС).

Он испытует — отдалением,
Я принимаю испытание.
Я принимаю со смирением,
Его любовь — Его молчание.

И чем любовь моя безгласнее —
Тем недоступней, непрерывнее,
И ожидание — прекраснее,
Союз грядущий — неразрывнее.

Времен и сроков я не ведаю,
В Его руке — Его создание...
Но победить — Его победою —
Хочу последнее страдание.

И отдаю я душу смелую
Мое страданье Сотворившему.
Сказал Господь: "Одежду белую
Я посылаю — победившему!"

1902

ЦЕПЬ

Один иду, иду чрез площадь снежную,
Во мглу вечернюю, легко-туманную,
И думу думаю, одну, мятежную,
Всегда безумную, всегда желанную.

Колокола молчат, молчат соборные,
И цепь оградная во мгле недвижнее.
А мимо цепь, вдаль, как тени черные,
Как привидения — проходят ближние.

Идут — красивые, и безобразные,
Идут веселые, идут печальные;
Такие схожие — такие разные,
Такие близкие, такие дальные...

Где ненавистные — и где любимые?
Пути не те же ли всем уготованы?
Как звенья черные, — неразделимые,
Мы в цепь единую навеки скованы.

1902

ПЬЯВКИ

Там, где заводь тихая, где молчит река,
Липнут пьявки черные к корню тростника.

В страшный час прозрения, на закате дней,
Вижу пьявок, липнущих и к душе моей.

Но душа усталая мертвенно тиха.
Пьявки, пьявки черные жадного греха!

1902

БАЛЛАДА

П.С. Соловьевой

Мостки есть в саду, на пруду, в камышах.
Там, под вечер, как-то гуляя,
Я видел русалку. Сидит на мостках, —
Вся нежная, робкая, злая.

Я ближе подкрался. Но хрустнул сучок —
Она обернулась несмело,
В комочек вся съежилась, сжалась,—прыжок—
И пеной растаяла белой.

Хожу на мостки я к ней каждую ночь.
Русалка со мною смелее:
Молчит — но сидит, не кидается прочь,
Сидит, на тумане белея.

Привык я с ней, белой, молчать напролет
Все долгие, бледные ночи.
Глядеть в тишину холодеющих вод
И в яркие, робкие очи.

И радость меж нею и мной родилась,
Безмерна, светла, как бездонность;
Со сладко-горячею грустью сплелась,
И стало ей имя — влюбленность.

Я — зверь для русалки, я с тленьем в крови.
И мне она кажется зверем...
Тем жгучей влюбленность: мы силу любви
Одной невозможностью мерим.

О, слишком — увы, — много плоти на мне!
На ней — может быть — слишком мало...
И, вот, мы горим в непонятном огне
Любви никогда не бывалой.

Порой, над водой, чуть шуршат камыши,
Лепечут о счастье страданья...
И пламенно-чисты в полночной тиши, —
Таинственно-чисты — свиданья.

Я радость мою не отдам никому;
Мы — вечно друг другу желанны,
И вечно любить нам дано, — потому,
Что здесь мы, любя, — неслиянны!

1903

ПАУКИ

Я в тесной келье — в этом мире.
И келья тесная низка.
А в четырех углах — четыре
Неутомимых паука.

Они ловки, жирны и грязны.
И все плетут, плетут, плетут...
И страшен их однообразный
Непрерывающийся труд.

Они четыре паутины
В одну, огромную, сплели.
Гляжу — шевелятся их спины
В зловонно-сумрачной пыли.

Мои глаза — под паутиной.
Она сера, мягка, липка.
И рады радостью звериной
Четыре толстых паука.

1903

ЗЕЛЕНОЕ, ЖЕЛТОЕ И ГОЛУБОЕ

Я горестно измучен.
Я слаб и безответен.
О, мир так разнозвучен!
Так грубо разносветен!

На спрошенное тайно —
Обидные ответы...
Все смешано — случайно,
Слова, цвета и светы.

Лампада мне понятна,
Зеленая лампада.
Но лампы желтой пятна
Ее лучам — преграда.

И, голубея, окна
В рассветном льду застыли...
Сплелись лучи — в волокна
Неясно-бурой пыли.

И люди, зло и разно,
Сливаются, как пятна:
Безумно-безобразно
И грубо-непонятно.

1903

ПОЦЕЛУЙ

Когда, Аньес, мою улыбку
К твоим устам я приближаю,
Не убегай пугливой рыбкой,
Что будет — я и сам не знаю.

Я знаю радость приближенья,
Веселье дум моих мятежных;
Но в цепь соединю ль мгновенья?
И губ твоих коснусь ли нежных?

Взгляни, не бойся; взор мой ясен,
А сердце трепетно и живо.
Миг обещанья так прекрасен!
Аньес... Не будь нетерпелива...

И удивление, и теснось
Равны, — в обоих есть тревожность.
Аньес, люблю я неизвестность,
Не исполнение, — возможность.

Дрожат уста твои, не зная,
Какой огонь я берегу им...
Аньес... Аньес... и только края
Коснусь скользящим поцелуем...

1903

НОЧЬЮ

Ночные знаю странные прозрения:
Когда иду навстречу тишине,
Когда люблю ее прикосновения,
И сила яркая растет во мне.

Колдует ли душа моя иль молится, —
Не ведаю; но радостно мне весть...
Я чую, время пополам расколется,
И будущее будет тем, что есть.

Все чаянья, — все дали и сближения, —
В один великий круг заключены.
Как ветер огненный, — мои хотения,
Как ветер, беспреградны и властны.

И вижу я, — на ком-то загораются
Сияньем новым белые венцы...
Над временем, во мне, соприкасаются
Начала и концы.

1904

СТЕКЛО

В стране, где все необычайно,
Мы сплетены победной тайной.
Но в жизни нашей, не случайно,
Разъединяя нас, легло
Меж нами темное стекло.
Разбить стекла я не умею,
Молить о помощи не смею;
Приникнув к темному стеклу,
Смотрю в безрадужную мглу,
И страшен мне стеклянный холод...
Любовь, любовь! О дай мне молот,
Пусть ранят брызги, все равно,
Мы будем помнить лишь одно,
Что там, где все необычайно,
Не нашей волей, не случайно,
Мы сплетены последней тайной...

Услышит Бог. Кругом светло.
Он даст нам сил разбить стекло.

1904

ДНЕМ

Я ждал полета и бытия.
Но мертвый ястреб — душа моя.
Как мертвый ястреб, лежит в пыли,
Отдавшись тупо во власть земли.
Разбить не может ее оков.
Тяжелый холод — земной покров.
Тяжелый холод в душе моей,
К земле я никну, сливаюсь с ней.
И оба мертвы, — она и я.
Убитый ястреб — душа моя.

1904

СВОБОДА

Я не могу покоряться людям.
　　Можно ли рабства хотеть?
Целую жизнь мы друг друга судим, —
　　Чтобы затем — умереть.

Я не могу покоряться Богу,
　　Если я Бога люблю.
Он указал мне мою дорогу,
　　Как от нее отступлю?

Я разрываю людские сети —
　　Счастье, унынье и сон.
Мы не рабы, — но мы Божьи дети,
　　Дети свободны, как Он.

Только взываю, именем Сына,
　　К Богу, Творцу Бытия:
Отче, вовек да будут едино
　　Воля Твоя и моя!

1904

ПЕРЕБОИ

Если сердце вдруг останавливается...—
на душе беспокойно и весело...
Точно сердце с кем-то уславливается...—
а жизнь свой лик занавесила...
Но вдруг —
Нет свершенья, новый круг,
Сердце тронуло порог,
Перешло — и вновь толчок,
И стучит, стучит, спеша,
И опять болит душа,
И опять над ней закон
Чисел, сроков и времен,
Кровь бежит, темно звеня,
Нету ночи, нету дня,
Трепет, ропот, торопь, стук,

И вдруг —
Сердце опять останавливается...—
Вижу я очи Твои, Безмерная,
под взором Твоим душа расплавливается...—
о, не уходи, моя Единая и Верная,
овитая радостями тающими,
радостями знающими
Все.

1905

СВЯТОЕ

Печали есть повсюду...
Мне надоели жалобы;
Стихов слагать не буду...
О, мне иное жало бы!

Пчелиного больнее,
Змеиного колючее...
Чтоб ранило вернее, —
И холодило, жгучее.

Не яд, не смерть в нем будет;
Но, с лаской утаенною,
Оно, впиваясь, — будит,
Лишь будит душу сонную.

Чтобы душа дрожала
От счастия бессловного...
Хочу — святого жала,
Божественно-любовного.

1905

ГРОЗА

А.А. Блоку

Моей души, в ее тревожности,
Не бойся, не жалей.
Две молнии, — две невозможности,
Соприкоснулись в ней.

Ищу опасное и властное,
Слиянье всех дорог.
А все живое и прекрасное
Приходит в краткий срок.

И если правда здешней нежности
Не жалость, а любовь, —
Всесокрушающей мятежности
Моей не прекословь.

Тебя пугают миги вечные...
Уйди, закрой глаза.
В душе скрестились светы встречные,
В моей душе — гроза.

1905

В ЧЕРТУ

Он пришел ко мне, — а кто, не знаю,
Очертил вокруг меня кольцо.
Он сказал, что я его не знаю,
Но плащом закрыл себе лицо.

Я просил его, чтоб он помедлил,
Отошел, не трогал, подождал.
Если можно, чтоб еще помедлил
И в кольцо меня не замыкал.

Удивился Темный: "Что могу я?"
Засмеялся тихо под плащом.
"Твой же грех обвился, — что могу я?
Твой же грех обвил тебя кольцом".

Уходя, сказал еще: "Ты жалок!"
Уходя, сникая в пустоту.
"Разорви кольцо, не будь так жалок!
Разорви и вытяни в черту".

Он ушел, но он опять вернется.
Он ушел — и не открыл лица.
Что мне делать, если он вернется?
Не могу я разорвать кольца.

1905

НЕЛЮБОВЬ

З. В.

Как ветер мокрый, ты бьешься в ставни,
Как ветер черный, поешь: ты мой!
Я древний хаос, я друг твой давний,
Твой друг единый, — открой, открой!

Держу я ставни, открыть не смею,
Держусь за ставни и страх таю.
Храню, лелею, храню, жалею
Мой луч последний — любовь мою.

Смеется хаос, зовет безокий:
Умрешь в оковах, — порви, порви!
Ты знаешь счастье, ты одинокий,
В свободе счастье, — и в Нелюбви.

Охладевая, творю молитву,
Любви молитву едва творю...
Слабеют руки, кончаю битву,
Слабеют руки... Я отворю!

1907

ДОМА

Зеленые, лиловые,
Серебряные, алые...
Друзья мои суровые,
Цветы мои усталые...

Вы — дни мои напрасные,
Часы мои несмелые,
О, желтые и красные,
Лиловые и белые!

Затихшие и черные,
Склоненные и ждущие...
Жестокие, покорные,
Молчаньем Смерть зовущие... —

Зовут, неумолимые,
И зов их все победнее...
Цветы мои, цветы мои,
Друзья мои последние!

1908. Париж.

ЖУРАВЛИ

Там теперь над проталиной вешнею
Громко кричат грачи,
И лаской полны нездешнею
Робкой весны лучи.

Протянулись сквозистые нити
Точно вестники тайных событий,
С неба на землю сошли.

Какою мерою печаль измерить?
О дай мне, о дай мне верить
В правду моей земли!

Там под ризою ледяной, кроткою
Слышно дыханье рек.
Там теперь под березкой кроткою
Слабее талый снег...

Не туда ль, по тверди глубинной
Не туда ль вереницею длинной
Летят, стеня, журавли?

Какою мерою порыв измерить?
О дай мне, о дай мне верить
В счастье моей земли!

И я слышу, как лед разбивается
Властно течет поток,
На ожившей земле распускается
Солнечно-алый цветок...

Напророчили вещие птицы,
Отмерцали ночные зарницы,
Солнце встает вдали...

Какою мерою любовь измерить?
О дай мне, о дай мне верить
В силу моей земли!

Март 1908. Париж.

14 ДЕКАБРЯ

Ужель прошло — и нет возврата?
В морозный день, в заветный час,
Они, на площади Сената,
Тогда сошлися в первый раз.

Идут навстречу упованью,
К ступеням Зимнего Крыльца...
Под тонкою мундирной тканью
Трепещут жадные сердца.

Своею молодой любовью
Их подвиг режуще-остер,
Но был погашен их же кровью
Освободительный костер.

Минули годы, годы, годы...
А мы все там, где были вы.
Смотрите, первенцы свободы:
Мороз на берегах Невы!

Мы — ваши дети, ваши внуки...
У неоправданных могил
Мы корчимся все в той же муке,
И с каждым днем все меньше сил.

И в день декабрьской годовщины
Мы тени милые зовем.
Сойдите в смертные долины,
Дыханьем вашим — оживем.

Мы, слабые, — вас не забыли,
Мы восемьдесят страшных лет
Несли, лелеяли, хранили
Ваш ослепительный завет.

И вашими пойдем стопами,
И ваше будем пить вино...
О, если б начатое вами
Свершить нам было суждено!

14 декабря 1909. СПБ.

КРЫЛАТОЕ

И.А. Бунину

В дыму зеленом ивы...
Камелии — бледны.
Нежданно торопливы
Шаги чужой весны.

Томленье, воскресанье
Фиалковых полей.
И белое дыханье
Зацветших миндалей.

По зорям — все краснее
Долинная река,
Воздушней Пиренеи,
Червонней облака.

И, средь небес горящих,
Как золото желты —
Людей, в зарю летящих,
Певучие кресты.

Февраль 1912. По.

ЛЮБОВЬ — ОДНА

...Не может сердце жить изменой:
Измены нет – любовь одна.
1896 г.

Душе, единостью чудесной,
 Любовь единая дана.
Так в послегрозности небесной
 Цветная полоса — одна.

Но семь цветов семью огнями
 Горят в одной. Любовь одна,
Одна до века, и не нами
 Ей семицветность суждена.

В ней фиолетовость, и алость,
 В ней кровь и золото вина,
То изумрудность, то опалость...
 И семь сияний — и одна.

Не все ль равно, кого отметить,
 Кого пронижет луч до дна,
Чье сердце меч прозрачный встретит,
 Чья отзовется глубина?

Неразделимая нетленна,
    Неуловимая ясна,
Непобедимо-неизменна
    Живет любовь, — всегда одна.

Переливается, мерцает,
    Она всецветна — и одна.
Ее хранит, ее венчает
    Святым единством — белизна.

Ноябрь 1912. СПБ.

СЕРОЕ ПЛАТЬИЦЕ

Девочка, в сером платьице...

Косы как будто из ваты...
Девочка, девочка, чья ты?

Мамина... Или ничья.
Хочешь — буду твоя.

Девочка, в сером платьице...

Веришь ли, девочка, ласке?
Милая, где твои глазки?

Вот они, глазки. Пустые,
У мамочки точно такие.

Девочка, в сером платьице,

А чем это ты играешь?
Что от меня закрываешь?

Время ль играть мне, что ты?
Много спешной работы.

То у бусинок нить раскушу,
То первый росток подсушу,
Вырезаю из книг странички,
Ломаю крылья у птички...

Девочка, в сером платьице,

Девочка с глазами пустыми,
Скажи мне, как твое имя?

А по-своему зовет меня всяк:
Хочешь этак, а хочешь так.

Один зовет разделеньем,
А то враждою,
Зовут и сомненьем,
Или тоскою.

Иной зовет скукою,
Иной мукою...
А Мама-Смерть — разлукою,

Девочку в сером платьице...

Январь 1913. СПБ.

L' Imprévisibilité

По слову навечно Сущего,
Бессменен поток времен,
Чую лишь ветер грядущего,
Нового мига звон.

С паденьем идет? С победою?
Славу несет иль меч?
Лица его я не ведаю,
Знаю лишь ветер встреч.

Летят нездешними птицами,
В кольцо бытия, вперед,
Миги с закрытыми лицами,
Как удержу их лет?

И в тесности, в перекрестности,
Хочу, не хочу ли я —
Черную тень неизвестности
Режет моя ладья.

Январь 1914. СПБ.

АДОНАИ

Твои народы вопиют: доколь?
Твои народы с севера и юга.
Иль ты еще не утолен? Позволь
Сынам земли не убивать друг друга.

Не ты ль разбил скрижальные слова,
Готовя землю для иного сева?
И вот опять, опять ты — Иегова,
Кровавый Бог отмщения и гнева!

Ты розлил дым и пламя по морям,
Водою алою одел ты сушу.
Ты губишь плоть... Но, Боже, матерям —
Твое оружие проходит душу!

Ужели не довольно было Той,
Что под крестом тогда стояла, рано?
Нет, не для нас, но для Нее, Одной,
Железо вынь из материнской раны!

О, прикоснись к дымнобагровой мгле
Не древнею грозою, — а Любовью.
Отец, Отец! Склонись к Твоей земле:
Она пропитана Сыновней кровью!

Ноябрь 1914. СПБ.

ОТДЫХ

Слова — как пена,
Невозвратимы и ничтожны.
Слова — измена,
Когда молитвы невозможны.

Пусть длится дленье.
Не я безмолвие нарушу.
Но исцеленье
Сойдет ли в замкнутую душу?

Я знаю, надо
Сейчас молчанью покориться.
Но в том отрада,
Что дление не вечно длится.

Ноябрь 1914. СПБ.

СВЕТ

Стоны,
Стоны,
Истомные,
Бездонные,
Долгие звоны
Похоронные,
Стоны,
Стоны...

Жалобы,
Жалобы на Отца...
Жалость язвящая, жаркая,
Жажда конца,
Жалобы,
Жалобы...

Узел туже, туже,
Путь все круче, круче,
Все уже, уже, уже,
Угрюмей тучи,
Ужас душу рушит,
Узел душит,
Узел туже, туже, туже...

Господи, Господи — нет!
Вещее сердце верит!
Боже мой, нет!
Мы под крылами Твоими.
Ужас. И стоны. И тьма... а над ними
Твой немеркнущий Свет.

1915

"СВОБОДНЫЙ СТИХ"

Молодым поэтам

Приманной легкостью играя,
Зовет, влечет свободный стих.
И соблазнил он, соблазняя,
Ленивых, малых и простых.

Сулит он быстрые ответы
И достиженья без борьбы.
За мной! За мной! И вот, поэты —
Стиха свободного рабы.

Они следят его извивы,
Сухую ломкость, скрип углов,
Узор пятнисто-похотливый
Икающих и пьяных слов...

Немало слов с подолом грязным
Войти боялись... А теперь
Каким ручьем однообразным
Втекают в сломанную дверь!

Втекли, вшумели и впылились...
Гогочет уличная рать.
Что ж! Вы недаром покорились,
Рабы не смеют выбирать.

Без утра пробил час вечерний,
И гаснет серая заря...
Вы отданы на посмех черни
Коварной волею царя!

А мне — лукавый стих угоден.
Мы с ним веселые друзья.
Живи, свободный! Ты свободен —
Пока на то изволю я.

Пока хочу — играй, свивайся
Среди ухабов и низин.
Звени, тянись и спотыкайся,
Но помни: я твой властелин.

И чуть запросит сердце тайны,
Напевных рифм и строгих слов —
Ты в хор вольешься неслучайный
Созвучно-длинных, стройных строф.

Многоголосы, тугозвонны
Они полетны и чисты —
Как храма белого колонны,
Как неба снежного цветы.

Ноябрь 1915. СПБ.

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВЕТОК

Зеленолистому цветку привет!
Идем к Зеленому дорогой красною,
Но зелен зорь весенних тихий цвет,
И мы овеяны надеждой ясною.

Пускай он спит, закрыт — но он живет!
В Страстном томлении земля весенняя...
Восстань, земля моя! И расцветет
Зеленопламенный в день воскресения!

Март 1915. СПБ.

ОН

Он принял скорбь земной дороги,
Он первый, Он один.
Склонясь, умыл усталым ноги
Слуга — и Господин.

Он с нами плакал, Повелитель
И суши, и морей.
Он царь и брат нам, и Учитель,
И Он — еврей.

Май 1915. СПБ.

МОЛОДОЕ ЗНАМЯ

Развейся, развейся, летучее знамя!
По ветру вскрыли, троецветное!
Вставайте, живые, идите за нами!
Приблизилось время ответное.

Три поля на знамени нашем, три поля:
Зеленое-Белое-Алое.
Да здравствует молодость, правда и воля!
Вперед! Нас зовет небывалое.

1915

БЕЗ ОПРАВДАНЬЯ

Нет, никогда не примирюсь.
Верны мои проклятья.
Я не прощу, я не сорвусь
В железные объятья.

Как все, живя, умру, убью,
Как все — себя разрушу,
Но оправданием — свою
Не запятнаю душу.

В последний час, во тьме, в огне,
Пусть сердце не забудет:
Нет оправдания войне
И никогда не будет.

И если это Божья длань —
Кровавая дорога —
Мой дух пойдет и с Ним на брань,
Восстанет и на Бога.

1916

СТРАШНОЕ

Страшно оттого, что не живется — спится...
И все двоится, все четверится.
В прошлом грехов так неистово-много,
Что и оглянуться страшно на Бога.

Да и когда замолить мне грехи мои?
Ведь я на последнем склоне круга...
А самое страшное, невыносимое, —
Это что никто не любит друг друга...

1916

СЕНТЯБРЬСКОЕ

Полотенца луннозеленые
на белом окне, на полу.
Но желта свеча намоленая
под вереском, там, в углу.

Протираю окно запотелое,
в двух светах на белом пишу...
О зеленое, желтое, белое!
Что выберу?...
Что решу?...

1916

НЕПОПРАВИМО

Н. Ястребову

Невозвратимо. Непоправимо.
Не смоем водой. Огнем не выжжем.
Нас затоптал, — не проехал мимо!
Тяжелый всадник на коне рыжем.

В гуще вязнут его копыта,
В смертной вязи, неразделимой...
Смято, втоптано, смешано, сбито —
Все. Навсегда. Непоправимо.

Октябрь 1916. СПБ.

НА СЕРГИЕВСКОЙ

Окно мое над улицей низко,
Низко и открыто настеж.
Рудолипкие торцы так близко
Под окном, раскрытым настеж.

На торцах — фонарные блики,
На торцах все люди, люди...
И топот, и вой, и крики,
И в метании люди, люди...

Как торец их одежды и лица.
Они, живые и мертвые, — вместе.
Это годы, это годы длится,
Что живые и мертвые — вместе!

От них окна не закрою.
Я сам, — живой или мертвый?
Все равно... Я с ними вою,
Все равно, живой или мертвый.

Нет вины, и никто — в ответе.
Нет ответа для преисподней.
Мы думали, что живем на свете...
Но мы воем, воем — в преисподней.

Декабрь 1916. СПБ.

БОЖЬЯ

Милая, верная, от века Суженая,
Чистый цветок миндаля,
Божьим дыханьем к любви разбуженная,
Радость моя, — Земля!

Рощи лимонные — и березовые,
Месяца тихий круг,
Зори Сицилии, зори розовые, —
Пенье таежных вьюг,

Даль неохватная и неистовая,
Серых болот туман, —
Корсика призрачная, аметистовая
Вечером, с берега Канн,

Ласка нежданная, утоляющая
Неутолимую боль,
Шелест, дыхание, память страдающая,
Слез непролитых соль —

Всю я тебя люблю, Единственная,
Вся ты моя, моя!
Вместе воскреснем, за гранью таинственною,
Вместе, — и ты, и я!

Ноябрь 1916. СПБ.

ЮНЫЙ МАРТ

Allons, enfants de la patrie...

Пойдем на весенние улицы,
Пойдем в золотую метель.
Там солнце со снегом целуется
И льет огнерадостный хмель.

По ветру, под белыми пчелами,
Взлетает пылающий стяг.
Цвети меж домами веселыми
Наш гордый, наш мартовский мак!

Еще не изжито проклятие,
Позор небывалой войны.
Дерзайте! Поможет нам снять его
Свобода великой страны.

Пойдем в испытания встречные,
Пока не опущен наш меч.
Но свяжемся клятвой навечною
Весеннюю волю беречь!

8 марта 1917. СПБ.

ПОЧЕМУ

О Ирландия, океанная,
Мной невиденная страна!
Почему ее зыбь туманная
В ясность здешнего вплетена?

Я не думал о ней, не думаю,
Я не знаю ее, не знал...
Почему так режут тоску мою
Лезвия ее острых скал?

Как я помню зори надпенные?
В черной алости чаек стон?
Или памятью мира пленною
Прохожу я сквозь ткань времен?

О Ирландия неизвестная!
О Россия, моя страна!
Не единая ль мука крестная
Всей Господней земле дана?

Сентябрь 1917

СЕЙЧАС

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно — жить!

Лежим, заплеваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, водители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель — пути...

9 ноября 1917. СПБ.

ТЛИ

Припав к моему изголовью
ворчит, будто выстрелы, тишина;
запекшейся черной кровью
ночная дыра полна.

Мысли капают, капают скупо;
нет никаких людей...
Но не страшно... И только скука,
что кругом — все рыла тлей.

Тли по мартовским алым зорям
прошли в гвоздевых сапогах.
Душа на ключе, в тяжком запоре,
отврат... тошнота... но не страх.

26-29 октября 1917, ночью.

У. С.

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и воздыхание, —
  Учредительное Собрание, —
    Что мы с ним сделали...?

12 ноября 1917. СПБ.

ЕСЛИ

Если гаснет свет — я ничего не вижу.
Если человек зверь — я его ненавижу.
Если человек хуже зверя — я его убиваю.
Если кончена моя Россия — я умираю.

Февраль 1918. СПБ.

ЗНАЙТЕ!

Она не погибнет, — знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, — верьте!
Поля ее золотые.

И мы не погибнем, — верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасется, — знайте!
И близко ее воскресенье.

Декабрь 1918. СПБ.

ТИШЬ

На улицах белая тишь.
Я не слышу своего сердца.
Сердце, отчего ты молчишь?
Такая тихая, такая тихая тишь...

Город снежный, белый — воскресни!
Луна — окровавленный щит.
Грядущее все неизвестней...
Сердце мое, воскресни! воскресни!

Воскресение — не для всех.
Тихий снег тих, как мертвый.
Над городом распростерся грех.
Тихо плачу я, плачу — обо всех.

Декабрь 1918. СПБ.

МОСТЫ

Говорить не буду о смерти,
без слов все кругом — о смерти;
кто хочет и не хочет — верьте,
  что живы мертвые...

Не от мертвых — отступаю,
так надо — я отступаю,
так надо — я мосты взрываю,
  за мостами — не мертвые...

Перекрутились, дымясь, нити,
оборвались, кровавясь, нити,
за мостами остались — взгляните!
  живые — мертвее мертвых...

Февраль 1918. СПБ.

А. БЛОКУ

Дитя, потерянное всеми...

Все это было, кажется, в последний,
В последний вечер, в вешний час...
И плакала безумная в передней,
О чем-то умоляя нас.

Потом сидели мы под лампой блеклой,
Что золотила тонкий дым,
А поздние распахнутые стекла
Отсвечивали голубым.

Ты, выйдя, задержался у решетки,
Я говорил с тобою из окна.
И ветви юные чертились четко
На небе — зеленей вина.

Прямая улица была пустынна,
И ты ушел — в нее, туда...
— — — — — — — — — — — — — — — — —
Я не прощу. Душа твоя невинна.
Я не прощу ей — никогда.

Апрель 1918. СПБ.

ШЕЛ...

I

Белому и Блоку

По торцам оледенелым,
В майский утренний мороз,
Шел, блестя хитоном белым,
Опечаленный Христос.

Он смотрел вдоль улиц длинных,
В стекла запертых дверей.
Он искал своих невинных
Потерявшихся детей.

Все — потерянные дети, —
Гневом Отчим дышат дни, —
Но вот эти, но вот эти,
Эти двое — где они?

Кто сирот похитил малых,
Кто их держит взаперти?
Я их знаю, Ты мне дал их,
Если отнял — возврати...

Покрывало в ветре билось,
Божьи волосы крутя...
Не хочу, чтоб заблудилось
Неразумное дитя...

В покрывале ветер свищет,
  Гонит с севера мороз...

Никогда их не отыщет,
  Двух потерянных — Христос.

Май 1918. СПБ.

ШЕЛ

II

Всем, всем, всем

По камням ночной столицы,
Провозвестник Божьих гроз,
Шел, сверкая багряницей,
Негодующий Христос.

Темен лик Его суровый,
Очи гневные светлы.
На веревке, на пеньковой,
Тугосвитые узлы.

Волочатся, пыль целуют
Змиевидные концы...
Он придет, Он не минует,
В ваши храмы и дворцы,

К вам, убийцы, изуверы,
Расточители, скопцы,
Торгаши и лицемеры,
Фарисеи и слепцы!

Вот, на празднике нечистом
Он застигнет палачей,
И вопьются в них со свистом
Жала тонкие бичей.

Хлещут, мечут, рвут и режут,
Опрокинуты столы...
Будет вой и будет скрежет —
Злы пеньковые узлы!

Тише город. Ночь безмолвней.
Даль притайная пуста.
Но сверкает ярче молний
Лик идущего Христа.

Май 1918. СПБ.

ЗДЕСЬ

Пускай он снился странный вечер длинный,
я вечер этот помню все равно.
Зари разлив зеленовато-винный,
большое полукруглое окно.

И где-то за окном, за далью близкой,
певучую такую тишину,
и расставание у двери низкой,
заветную зазвездную страну.

Твои слова прощальные, простые,
слова последние — забудь, молчи,
и рассыпавшиеся, ледяные,
невыносимо острые лучи.

Любви святую непреложность
и ты и я — мы поняли вдвоем,
и невозможней стала невозможность
здесь, на земле, сквозь ложность и ничтожность,
к ней прикоснуться чистым острием.

10.8.1918

14 ДЕКАБРЯ 18 ГОДА

Нас больше нет. Мы все забыли,
Взвихрясь в невиданной игре.
Чуть вспоминаем, как вы стыли
В карре, в далеком декабре.

И как гремящий Зверь железный
Вас победив — не победил...
Его уж нет — но зверь из бездны
Покрыл нас ныне смрадом крыл.

Наш конь домчался, бездорожен,
Безузден, яр, — куда? куда?
И вот, исхлестан и стреножен,
Последнего он ждет суда.

Заветов тайных Муравьева
Свились напрасные листы...
Напрасно, Пестель, вождь суровый,
В узле пеньковом умер ты,

Напрасно все: душа ослепла,
Мы преданы червю и тле,
И не осталось даже пепла
От "Русской Правды" на земле.

Декабрь 1918. СПБ.

14 ДЕКАБРЯ 17 ГОДА

Д. Мережковскому

Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли.
Мы потеряли все святое:
И стыд души, и честь земли.

Мы были с ними, были вместе,
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невеста. И невесте
Солдатский штык проткнул глаза.

Мы утопили, с визгом споря,
Ее в чану Дворца, на дне,
В незабываемом позоре
И в наворованном вине.

Ночная стая свищет, рыщет,
Лед по Неве кровав и пьян...
О, петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян!

Рылеев, Трубецкой, Голицын!
Вы далеко, в стране иной...
Как вспыхнули бы ваши лица
Перед оплеванной Невой!

И вот из рва, из терпкой муки,
Где по дну вьется рабий дым,
Дрожа протягиваем руки
Мы к вашим саванам святым.

К одежде смертной прикоснуться,
Уста сухие приложить.
Чтоб умереть — или проснуться,
Но так не жить! Но так не жить!

1918

КАЧАНИЕ

Все Я мое, как маятник, качается,
и длинен, длинен размах.
Качается, скользит, перемежается —
то надежда — то страх.

От знания, незнания, мерцания,
умирает моя плоть.
Безумного качания страдание
ты ль осудишь, Господь?

Прерви его, и зыбкое мучение
останови! останови!
Но только не на ужасе падения,
а на взлете — на Любви!

Февраль 1919. СПБ.

ЛЕТОМ

О, эти наши дни последние!
Обрывки неподвижных дней!
И только небо в полночь меднее
Да зори голые длинней...

Хочу сказать... Но нету голоса.
На мне почти и тела нет.
Тугим узлом связались полосы
Часов и дней, недель и лет.

Какою силой онедвижена
Река земного бытия?
Чьим преступленьем так унижена
Душа свободная моя?

Как выносить невыносимое?
Чем искупить кровавый грех,
Чтоб сократились эти дни мои,
Чтоб Он простил меня — и всех?

Июль 1919. СПБ.

ОСЕНЬЮ

(сгон на революцию)

На баррикады! На баррикады!
Сгоняй из дальних, из ближних мест...
Замкни облавой, сгруди, как стадо,
Кто удирает — тому арест.
Строжайший отдан приказ народу,
Такой, чтоб пикнуть никто не смел.
Все за лопаты! Все за свободу!
А кто упрется — тому расстрел.
И все: старуха, дитя, рабочий —
Чтоб пели Интер-национал.
Чтоб пели, роя, а кто не хочет
И роет молча — того в канал!
Нет революций краснее нашей:
На фронт — иль к стенке, одно из двух.
... Поддай им сзаду! Клади им взашей,
Вгоняй поленом мятежный дух!

На баррикады! На баррикады!
Вперед за "Правду", за вольный труд!
Колом, веревкой, в штыки, в приклады...
Не понимают? Небось, поймут!

25 октября 1919. СПБ.

ВИДЕНИЕ

(Этюд на "анте")

На Смольном новенькие банты
из алых заграничных лент.
Закутили красноармейские франты,
близится великий момент.
Жадно комиссарские аманты
мечтают о журнале мод.
Улыбаются спекулянты,
до ушей разевая рот.
Эр-Эс-Эф-ка — из адаманта,
победил пролетарский гнев!
Взбодрились оба гиганта,
Ульянов и Бронштейн Лев.
Завели крепостные куранты,
(кто услышит ночной расстрел?)
разработали все пуанты
европейских революционных дел.
В цене упали бриллианты,
появился швейцарский сыр...
. . . .
Что случилось? А это Антанта
с большевиками заключает мир.

Январь 1920. Минск.

ТАМ И ЗДЕСЬ

Там — я люблю иль ненавижу, —
Но понимаю всех равно:
    И лгущих,
    И обманутых,
    И петлю вьющих,
    И петлей стянутых...
А здесь — я никого не вижу.
Мне все равны. И все равно.

Январь 1920. Бобруйск.

ОТТУДА?

Д.П.С.

Она никогда не знала,
как я любил ее,
как эта любовь пронзала
все бытие мое.

Любил ее бедное платье,
волос ее каждую прядь...
Но если б и мог сказать я —
она б не могла понять.

И были слова далеки...
И так — до последнего дня,
когда в мой путь одинокий
она проводила меня...

Ни жалоб во мне, ни укора...
Мне каждая мелочь близка,
над каждой я плачу, которой
касалась ее рука...

Не знала — и не узнает,
как я любил ее,
каким острием пронзает
любовь — бытие мое.

И может быть, лишь оттуда, —
если она уж там, —
поймет любви моей чудо
она по этим слезам...

Май 1920. Варшава.

ГЛАЗА ИЗ ТЬМЫ

О эти сны! О эти пробуждения!
Опять не то ль,
Что было в дни позорного пленения,
Не та ли боль?

Не та, не та! Стремит еще стремительней
Лавина дней,
И боль еще тупее и мучительней,
Еще стыдней.

Мелькают дни под серыми покровами,
А ночь длинна.
И вся струится длительными зовами
Из тьмы, — со дна...

Глаза из тьмы, глаза навеки милые,
Неслышный стон...
Как мышь ночная, злая, острокрылая
Мой каждый сон.

Кому страдание нести бесслезное
Моих ночей?
Таит ответ молчание угрозное,
Но чей? Но чей?

Август 1920. Варшава.

РОДНОЕ

Т.И.М.

Есть целомудрие страданья,
И целомудрие любви.
Пускай грешны мои молчанья —
Я этот грех ношу в крови.

Не назову родное имя,
Любовь безмолвная свята.
И чем тоска неутолимей,
Тем молчаливее уста.

Декабрь 1920. Париж.

КЛЮЧ

Струись,
Струись,
Холодный ключ осенний.
Молись,
Молись,
И веруй неизменней.

Молись,
Молись,
Молитвой неугодной.
Струись,
Струись,
Осенний ключ холодный...

Сентябрь 1921. Висбаден.

КЛЮЧ

Был дан мне ключ заветный,
	И я его берег.
Он ржавел незаметно...

	Последний срок истек.
На мост крутой иду я.
	Речная муть кипит.
И тускло бьются струи
	О сумрачный гранит,
Невнятно и бессменно
	Бормочут о своем,
Заржавленною пеной
	Взлетая под мостом.
Широко ветер стужный
	Стремит свистящий лет...

Я бросил мой ненужный,
	Мой ключ — в кипенье вод.
Он скрылся, взрезав струи,
	И где-то лег на дне...

Прости, что я тоскую,
	Не думай обо мне.

1921

ЦИФРЫ

25, 27, 28,
На пруду стонет бледная Лебедь.
Этот март невесенен, как осень.
43, 46, 39.

23, 2x2 = 90.
Под землей бы землею покрыться.
Узел туг — но развяжется просто.
18, 11, 30.

60, 114, 10.
Хочет март октябрем посмеяться,
Хочет бледную Лебедь повесить.
27, 25 и 13!

1922. Париж.

ИДУЩИЙ МИМО

У каждого, кто встретится случайно
Хотя бы раз — и сгинет навсегда,
Своя история, своя живая тайна,
Свои счастливые и скорбные года.

Какой бы ни был он, прошедший мимо,
Его наверно любит кто-нибудь...
И он не брошен: с высоты, незримо,
За ним следят, пока не кончен путь.

Как Бог, хотел бы знать я все о каждом,
Чужое сердце видеть, как свое,
Водой бессмертья утолять их жажду —
И возвращать иных в небытие.

1924

МЕРА

Всегда чего-нибудь нет, —
Чего-нибудь слишком много...
На все как бы есть ответ —
Но без последнего слога.

Свершится ли что — не так,
Некстати, непрочно, зыбко...
И каждый не верен знак,
В решеньи каждом — ошибка.

Змеится луна в воде —
Но лжет, золотясь, дорога...
Ущерб, перехлест везде.
А мера — только у Бога.

1924

ЛЯГУШКА

Какая-то лягушка (все равно!)
   Свистит под небом черновлажным
Заботливо, настойчиво, давно...
   А вдруг она — о самом важном?

И вдруг, поняв ее язык,
   Я б изменился, все бы изменилось,
Я мир бы иначе постиг,
   И в мире бы мне новое открылось?

Но я с досадой хлопаю окном:
   Все это мара ночи южной
С ее томительно-бессонным сном...
   Какая-то лягушка! Очень нужно!

1926

БЫЛОЕ

Вы разлюбили — почему? — со мной гулять
По жесткому, щетинистому полю
Идти вдвоем, неведомо куда,
Смотреть на рожь, высокую, как я,
О чем-то говорить, полуслучайном,
Легко и весело, чуть-чуть запретно…
И вдруг — под розовою цепью гор,
Под белой, незажегшейся луною,
Увидеть море, синий полукруг
Нездешних волн сияющее пламя.

Идти назад, идти вперед, туда,
Где теплой радуги дымно-горящий столб
Закатную поддерживает тучу…
И на одном плаще минутно отдохнуть,
Опять идти и рассуждать о Данте,
О вас и о замужней Беатриче,
Но замолчать средь лиственного храма
В чудесном сумраке прямых колонн
Под чистою и строгой лаской
Огней лампадных…
                                        Странно, почему
Вы разлюбили?… Нет, я улыбаюсь,
Я понимаю…

1926

Господи, дай увидеть!
Молюсь я в часы ночные.
Дай мне еще увидеть
Родную мою Россию.

Как Симеону увидеть
Дал Ты, Господь, Мессию,
Дай мне, дай увидеть
Родную мою Россию.

...

БЕЛГРАД

Он до сих пор тревожит мои сны…
Он символ детства, тайного мечтанья,
И сказочной, далекой старины,
И — близкого еще воспоминанья.

О, эта память о недавних днях!
Какая в ней печальная отрада!
Дым золотой за Савой, на холмах,
И нежный облик милого Белграда.

А виноградник, свежий дух земли,
Такой живительный и полный ласки…
На карточке — улыбка Эмили, —
Пленительной царевны в русской сказке.

Над белой скатертью веселый свет,
И речь веселая, и неизменно —
Во всех словах, во всех глазах — привет,
Для бедных странников нежданно ценный.

И много, много было — но всего
В экспромте этом рассказать нет силы…
Те дни прошли, погасли… Ничего!
Они прошли, но сердце не забыло.

1928

ЗАКАТ

Освещена последняя сосна.
Под нею темный кряж пушится.
Сейчас погаснет и она.
День конченный — не повторится.

День кончился. Что было в нем?
Не знаю, пролетел, как птица.
Он был обыкновенным днем,
А все-таки — не повторится.

Июль-Август 1928.
Thorrenc. Château des 4 Jours.

СЧАСТЬЕ

Есть счастье у нас, поверьте,
И всем дано его знать.
В том счастье, что мы о смерти
Умеем вдруг забывать.
Не разумом, ложно-смелым
(Пусть знает, — твердит свое),
Но чувственно, кровью, телом
Не помним мы про нее.

О, счастье так хрупко, тонко!
Вот слово, будто меж строк,
Глаза больного ребенка,
Увядший в воде цветок, —
И кто-то шепчет: "Довольно!"
И вновь отравлена кровь,
И ропщет в сердце безвольном
Обманутая любовь.

Нет, лучше б из нас на свете
И не было никого.
Только бы звери, да дети,
Не знающие ничего.

Весна 1933

ЗА ЧТО?

Качаются на луне
Пальмовые перья.
Жить хорошо ли мне,
Как живу теперь я?

Ниткой золотой светляки
Пролетают, мигая.
Как чаша, полна тоски
Душа — до самого края.

Морские дали — поля
Бледносеребряных лилий...
Родная моя земля,
За что тебя погубили?

1936

ЖЕНСКОСТЬ

Падающие, падающие линии..
Женская душа бессознательна,
Много ли нужно ей?

Будьте же, как буду отныне я,
К женщине тихо-внимательны,
И ласковей, и нежней.

Женская душа — пустынная,
Знает ли, какая холодная,
Знает ли, как груба?

Утешайте же душу невинную,
Обманите, что она свободная...
Все равно она будет раба.

1936

SAINTE THERESE DE L'ENFANT JESUS

Девочка маленькая, чужая,
Девочка с розами, мной невиденная,
Ты знаешь все, ничего не зная,
Тебе знакомы пути неиденные —
Приди ко мне из горнего края,
Сердцу дай ответ, неспокойному...
Милая девочка, чужая, родная,
Приди к неизвестному, недостойному...

Она не судит, она простая,
Желанье сердца она услышит,
Розы ее такою чистою,
Такой нежной радостью дышат...
О, будь со мною, чужая, родная,
Роза розовая, многолистая...

1936

ЗЕРКАЛА

А вы никогда не видали?
В саду или в парке — не знаю,
Везде зеркала сверкали.
Внизу, на поляне, с краю,
Вверху, на березе, на ели.
Где прыгали мягкие белки,
Где гнулись мохнатые ветки, —
Везде зеркала блестели.
И в верхнем — качались травы,
А в нижнем — туча бежала...
Но каждое было лукаво,
Земли иль небес ему мало, —
Друг друга они повторяли,
Друг друга они отражали...
И в каждом — зари розовенье
Сливалось с зеленостью травной;
И были, в зеркальном мгновеньи,
Земное и горнее — равны.

1936

НАСТАВЛЕНИЕ

Молчи. Молчи. Не говори с людьми,
Не подымай с души покрова.
Все люди на земле — пойми! Пойми!
Ни одного не стоят слова.

Не плачь. Не плачь. Блажен, кто от людей
Свои печали вольно скроет.
Весь этот мир одной слезы твоей,
Да и ничьей слезы не стоит.

Таись, стыдись страданья твоего.
Иди — и проходи спокойно.
Ни слов, ни слез, ни вздоха, — ничего
Земля и люди недостойны.

1936

СИЯНИЯ

Сиянье слов... Такое есть ли?
Сиянье звезд, сиянье облаков —
Я все любил, люблю... Но если
Мне скажут: вот сиянье слов —
Отвечу, не боясь признанья,
Что даже святости блаженное сиянье
Я за него отдать готов...
Все за одно сиянье слов!

Сиянье слов? О, повторять ли снова
Тебе, мой бедный человек-поэт,
Что говорю я о сияньи Слова,
Что на земле других сияний нет?

1937

ГРЕХ

И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнанья.
Но злое дело — воздаянье
Само в себе, таясь, таит.

И путь наш чист, и долг наш прост.
Не надо мстить, не нам отмщенье.
Змея сама, свернувши звенья,
В свой собственный вопьется хвост.

И мы простим, и Бог простит.
Но грех прощения не знает,
Он для себя себя хранит,
Своею кровью кровь смывает,
Себя во веки не прощает —
Хотя и мы простим, и Бог простит.

1938

ВЕЧНОЖЕНСТВЕННОЕ

Каким мне коснуться словом
  Белых одежд Ее?
С каким озареньем новым
  Слить Ее бытие?

О, ведомы мне земные
  Все твои имена:
Сольвейг, Тереза, Мария...
  Все они — ты Одна.
Молюсь и люблю... Но мало
  Любви, молитв к тебе.
Твоим-твоей от начала
  Хочу пребыть в себе,
Чтоб сердце тебе отвечало —
  Сердце — в себе самом,
Чтоб нежная узнавала
  Свой чистый образ в нем...
И будут пути иные,
  Иной любви пора.
Сольвейг, Тереза, Мария,
  Невеста-Мать-Сестра!

1938

Eternité Frémissante

В.С. Варшавскому

Моя любовь одна, одна,
Но все же плачу, негодуя:
Одна, — и тем разделена,
Что разделенное люблю я.

О Время! Я люблю твой ход,
Порывистость и разномерность.
Люблю игры твоей полет,
Твою изменчивую верность.

Но как не полюбить я мог
Другое радостное чудо:
Безвременья живой поток,
Огонь, дыхание "оттуда"?

Увы, разделены они —
Безвременность и Человечность.
Но будет день: совьются дни
В одну — Трепещущую Вечность.

1938

Ты не любишь овец покорных,
Непропадающих.
Ты любишь других, упорных
И вопрошающих.

Услышишь в кустах, за оградой, —
Блеют, тревожные.
Идешь к ним, покинув стадо,
Где — бездорожные?

И каждая овца такая
Знает, что искони
Она тебе самая родная,
Самая близкая.

...

[Д.В. Философову]

Когда-то было, меня любила
Его Психея, его Любовь.
Но он не ведал, что Дух поведал
Ему про это — не плоть и кровь.
Своим обманом он счел Психею,
Своею правдой — лишь плоть и кровь.
Пошел за ними, а не за нею,
Надеясь с ними найти любовь.
Но потерял он свою Психею,
И то, что было, — не будет вновь,
Ушла Психея, и вместе с нею
Я потеряла его любовь.

1943. Париж.

СОДЕРЖАНИЕ

Imprimerie de la Manutention à Mayenne – 3 juillet 1984 – N° 8748

"ИЗБРАННАЯ ПОЭЗИЯ"

Полные собрания сочинений поэтов безусловно необходимы. Но не каждому они доступны, и часто, за полнотой, широкому читателю трудно разпознать основное. Серия "Избранная поэзия" ставит себе целью дать в пределах приблизительно 100 стихотворений самое главное из широкого наследия лучших русских поэтов. Для поэтов XX века составители, по мере возможности, будут приближаться к тому "идеальному" выбору, который соответствовал бы желаниям автора.

Вышли из печати:

1. Осип Мандельштам (составитель Н. Струве)
2. Зинаида Гиппиус (составитель Т.В. Пахмусс)

Готовятся:

3. Борис Пастернак (составитель Л.С. Флейшман)
4. Сергей Клычков (составитель М. Нике)
5. Николай Клюев (составитель Б. Филиппов)

ISBN 2-85065-051-X